

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

УДК 821.161.1-1 Жданов + 801.731

Т. А. Снигирева

КНИГА ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ*

Рец. на кн: Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов / отв. ред. С. А. Комаров. — Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2017. — 392 с. : [12] с. ил. — (Литературные звезды Сибири ; вып. 3).

В рецензии высоко оценивается коллективная работа сибирских ученых, посвященная Ивану Жданову, современному поэту, чье творчество, несмотря на его безусловную значимость, еще не было предметом углубленного литературоведческого анализа. Анализ научной логики монографии, ее концептуально-исследовательских узлов позволяет говорить о том, что апробированный типолого-сравнительный метод дополняется в ней методом интерпретационным. Несомненным научным результатом стал богатый комплекс продуктивных идей, филологическая реализация которых, во-первых, отмечена характерной для известной в России поэтологической школы глубиной, виртуозной техникой анализа текста «повышенной сложности», во-вторых, подтверждает важность традиции передачи научного знания от учителя к ученику. Взгляд двух поколений на один и тот же предмет исследования не только не прерывает преемственности поколений, но обнаруживает свою безусловную филологическую состоятельность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Иван Жданов; научная филологическая школа; ученые Сибири; традиции; текст повышенной сложности.

Книга, посвященная поэзии Ивана Жданова, одного из самых сложных и безусловных поэтов современности, — третья в серии «Литературные звезды Сибири» (первая — «Творчество П. П. Ершова: сказка и стих» вышла в 2013 г., вторая — «Извне и изнутри Сибири: А. Чехов — А. Вампилов — В. Шукшин» — в 2014 г.).

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23003 РЯИК_а «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

СНИГИРЕВА Татьяна Александровна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета; ведущий научный сотрудник сектора русской литературы Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: tas0905@rambler.ru).

© Снигирева Т. А., 2019

Инициатор и редактор серии проф. С. А. Комаров точно определяет критерий выбора как героев книг, так и авторов, о них пишущих: «Значимым элементом замысла серии было и то, что исполнителями проектов выступают специалисты именно вузов Урала и Сибири. Эта особенность обеспечивает соответствие объекта и субъекта исследования» (с. 5). Для монографии о творчестве Ивана Жданова характерны еще две особенности: она создана при совместном усилии трех крупных филологических школ, имена представителей которых хорошо известны российской гуманитаристике (С. А. Козлова, Барнаул; И. И. Плеханова, Иркутск; С. А. Комаров, Тюмень). Это, во-первых. Во-вторых, монография подтверждает важность традиции передачи научного знания от учителя к ученику: взгляд двух поколений на один и тот же предмет исследования не только не прерывает преемственности поколений, но, как в случае с книгой ученых Сибири, обнаруживает свою безусловную результативность. Профессора, под научным руководством которых О. Н. Меркуловой и Н. С. Чижовым были успешно защищены кандидатские диссертации, посвященные Ивану Жданову (заметим, что первая была защищена в Томском государственном университете, вторая — в Уральском федеральном университете), продолжают щедро отдавать свои знания и страницы монографии своим ученикам.

Монография выстроена по классической трехчастной композиции. Первая глава «Иван Жданов: о себе, о нем, о его творчестве» посвящена описанию жизненного и творческого пути писателя, во второй — «Всеединое в метафизической поэзии Ивана Жданова» описываются философские принципы, определяющие резкую индивидуальность художественного мировидения поэта, в третьей — «Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики» представлена и проанализирована система особенностей авторского миромоделирования: от характера мифопоэтики до принципов субъектной организации стихотворных текстов И. Жданова и специфики образного языка. В каждой части есть свой смысловой контрапункт.

Поэтическое творчество Ивана Жданова рассмотрено через сюжетно-смысловой комплекс идеи возвращения.

Пестро составленная прологовая глава «Иван Жданов: о себе, о нем, о его творчестве», в которой по крупницам собраны факты биографии поэта, выстроено его генеалогическое древо (здесь очень важен и визуальный ряд — серия сохранившихся фотографий семьи), даны интервью с поэтом, сопровождающиеся тончайшим анализом поэтического мира, в целом создает очерк творческого поведения Ивана Жданова, позволяет выстроить «метасюжет Пути»: «"Портрет", или, как в первоначальном варианте, "Был послан взгляд..." (1982) — призвание, выбор Пути, его начало. "Неразменное небо" (1990) — мессианизм художника как попытка связать "распавшуюся цепь времен" в тяжелую, переломную для страны и личности эпоху. "Место Земли" (1991) — это обретение почвы под ногами, поиск новых координат места Земли в расширяющейся Вселенной, попытка самоидентификации лирического субъекта, новой духовно-творческой ориентации в пространстве руин. "Присутствие погасшего огня" (1993) — стихи разных лет как отражение духа погасшей исторической эпохи. "Фоторобот запретного мира" (1998) — в названии метафора поэзии — "фоторобота" запретных, то есть

заповедных, сокровенных, сакральных миров <...>. “Воздух и ветер” (2006)... подведение предварительных итогов перед новым “раздувом” ветра. “Уединенная мироколица” (2013) — возвращение к истокам как потребность “собрать камни” и отдавать долги» (с. 71–72).

Во второй части книги «Всеединое в метафизической поэзии Ивана Жданова», очертив сущностные контуры творчества Ивана Жданова, один из авторов монографии точно замечает, что «...Жданов — автор парадоксальный и по образу высказывания, и по форме присутствия в литературе. С одной стороны, это метафорически плотная и трудно прочитываемая поэзия, а с другой — проза (эссе и статьи), отличающаяся ясностью мысли и доступным стилем изложения» (с. 73). Пожалуй, ни одна современная исследовательская работа, посвященная поэтам XX и XXI вв., не обходится ныне без контекстуального вписывания той или иной творческой индивидуальности в определенную художественную парадигму. Поэзия И. Жданова в какой-то степени провоцирует на использование именно такого подхода. Ее можно определить как авангардную, если понимать авангард в качестве «разрушения средствами искусства литературных канонов и норм» (И. Васильев), можно говорить о сюрреализме, основанном на принципе письма как выражении бессознательного (М. Ямпольский), абсурдизме, как «самодостаточном и закрытом текстовом «бытии-в-себе» (Д. Токарев), экспрессионизме, актуализирующем «грандиозный процесс самоотчуждения» (Н. Пестова). Такое впечатление, что поэзия И. Жданова «рифмуется» с любой художественной парадигматикой. Отсюда вписывание его творчества по ведомству постмодернизма (в варианте метареализма) (М. Н. Эпштейн, М. Н. Липовецкий), модернизма (Л. П. Быков, К. А. Кедров, И. В. Кукулин), неомодернизма («высокого модернизма») (Т. Л. Рыбальченко, С. А. Комаров).

Этот научный сюжет очевиден и, конечно, оправдан. Однако оригинальность представленной на суд гуманитарной общественности первой книги о И. Жданове определяется тем, что авторы, имея в виду и используя апробированный типолого-сравнительный метод, решительно дополняют его методом интерпретационным. Несомненным научным результатом стал изложенный в монографии богатый комплекс продуктивных, креативно насыщенных и дискуссионных идей, филологическая реализация которых, и об этом необходимо сказать еще раз, отмечена характерной для известной в России поэтологической школы Сибири глубиной, неожиданностью наблюдений, небанальностью исследовательских линий, владением виртуозной техникой анализа текста «повышенной сложности».

Авторов монографии интересует то «поэтическое состояние языка» (Ж. Женет), которое исключает себя из пределов мира в его повседневных проявлениях и может быть результатом только того творящего «я», которое выпадает из языкового наполнения обыденной реальности, создавая свою версию бытия и свою формулу бытия, т. е. корреспондирует с тем языковым состоянием и сознанием, которым говорит и в котором рождается философия. Стремление соотнести язык философии и язык поэзии, решить вопрос терминологического определения данного феномена: метафизическая, философская, религиозная, интеллектуальная

поэзия, поэтическая онтология, поэтическая метафизика — привело исследователей к точечным, но точным определениям основных индивидуально неповторимых свойств поэтической интонации и образного мышления И. Жданова, которые предстают как «опыт боли», как «формула страдающей человечности», как способность к высокой «духовной концентрации». Главное, на наш взгляд, достижение этого фрагмента книги — обнаружение и анализ парадоксальной органики совмещения метафизики всеединства с трагедийным экзистенциальным опытом поэта.

В этой же главе исследуются постулаты духовного самоопределения поэта, характерологические черты его этики, значимость творчества в прозрении-воспроизведении всеединого. Реконструированная логика поэтического волеизъявления поэта, обусловленная «напряженным процессом вслушивания», особым «резонансом с миром», приводит к аргументированному заключению о том, что Иван Жданов как поэт-метафизик предлагает свою, индивидуально выверенную и выстраданную версию ответа на онтологический вызов, свой вариант «мужества быть» — растворение в языке и растворение в Боге: «...слово в поэзии Ивана Жданова в потенциале и в поэтическом откровении обладает глубиной и многомерностью смысла, адекватного такой объемности, которая соразмерна смыслу существования мира и человека» (с. 104). Здесь, думается, осуществлен подход к одному из важнейших для русской поэзии XX–XXI вв. постулатов — к «оправданию языка» или «лингводицею», своеобразно явившей себя и в творчестве И. Жданова, ибо лингводицея возможна только в поэзии, которая, являясь особым состоянием языка, способна выразить неизъяснимое и впрямую связана с возможностью (воспринимаемой как дар и как наказание) творца к божественному/метафизическому постижению мира/человека. Лингводицея представляет концептосферу русского поэтического языка, в которой традиционные антиномии верх — низ, мир горний — мир дольний, душа — тело, бытие — быт, поэт — человек находятся скорее в коррелятивно-комплиментарном состоянии, нежели в конфликтном. Лингводицея — ядро общей картины мира русской поэзии и являет себя в создании особого, порой тайного кода, понятного только посвященным; в утверждении власти Слова над Поэтом, ведомости Поэта Словом, экзистенциальной подчиненности Поэта Слову/Языку («поэт — часть речи»). С точки зрения метафизики лингводицею русской поэзии определяет следующая система поэтико-философской версии бытия: профетическая сила поэтического слова; сакральный характер самоидентификации русского поэта; мученическая судьба поэта в России как знак его избранничества и мессианства; стихотворение как Жизнетворение и Боготворение («и творчество и чудотворство»); Слово как преодоление смерти и выход в бессмертие; поэзия как высшая этика, оправдывающая существование человека и человечества. На наш взгляд, избранная в монографии формула, определяющая особое место И. Жданова в ряду поэтов-метафизиков и метареалистов — «метафизическая духовность», вполне вписывает его в пространство классической русской поэзии как XIX, так и XX в. Обнаружение, название и анализ свойств мира поэта (ощутимость образов, чувственная достоверность, значимость пластичной метафоры, интонационная

сила и узнаваемость) приводят к точному по отношению к И. Жданову выводу: его поэзия не словесна, но словна.

Один из основных тезисов этой части книги бесспорен, это — метафизическая лирика: «Мир в поэзии Ивана Жданова обречен на единство, ибо таково изначальное мировосприятие поэта, поместившего в центр своей вселенной всеотзывчатое сознание художника: все со всем связано, все во всем отражено. Времена, культуры, люди, вещи, природа живут, включенные в общий резонанс и взаимодействие» (с. 84). Он будет варьироваться и развиваться в иных аспектах в заключающей монографию главе «Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики», в которой одним из важнейших векторов исследования станет анализ метасюжета возвращения, осмысленный как выбранный поэтом Путь, постоянно реализующий себя в мистерии преобразования.

Не менее значимы не только для понимания поэтической оригинальности Ивана Жданова, но и для новейшей поэзии в целом размышления о свойствах поэтического нарратива. Здесь будет уместно привести два высказывания Жданова из его работы, посвященной поэту-современнику: «Я познакомился с ним (Евгением Блажеевским. — Т. С.) в период своего внутреннего сомнения в понятии “лирический герой”». И еще одно, могущее быть оцененным как характеристика своей поэзии посредством определения чужой, но не чуждой: «Я высказался, как мог, а теперь — слушайте: есть такие голоса, которые сами отвечают за себя» (И. Жданов. «Беззащитное мужество Евгения Блажеевского»).

Подобные реплики или развернутые высказывания И. Жданова в связи с возможностями термина «лирический герой», которые можно найти в его статьях или интервью, но главное — тщательный анализ стихотворных текстов И. Жданова привели к чрезвычайно актуальным размышлениям о способах воплощения «я-субъекта» в современной поэзии. Во всяком случае, по отношению к метафизической лирике И. Жданова кажется точным утверждение о том, что «субъектный кризис в неподцензурной поэзии 1970–1980-х гг., выразившийся в дискредитации возможностей создания лирического высказывания путем прямого претворения личного переживания автора в слове, отразился в поэтическом творчестве И. Жданова в программном отказе от лирического героя» (с. 324).

Все, что касается предложенной в монографии интерпретации поэтического мира И. Жданова, не вызывает и не может вызвать значимых возражений и благодаря несомненной талантливости молодого поколения исследователей, точно направляемых поколением учителей. Некоторое смущение вызывает категорически-односторонняя оценка состояния поэзии советской эпохи. В самом начале книги читаем: «В кризисной социокультурной ситуации второй половины XX века восстановление связи с традицией становится единственным источником преодоления энтропии беспамятства как следствие выпадения русской литературы в советский период из непрерывного процесса культурной преемственности» (с. 14–15). И это не оговорка, но позиция: «Начиная свой творческий путь в 1970–1980-х годах, поэт, как и другие представители неподцензурной (экспериментальной, согласно официальной формулировке) поэзии, ориентировался на опыт культуры Серебряного века и пытался в творчестве преодолеть полувековой

разрыв с ней, пришедшийся на советскую эпоху» (с. 158). Столь явно односторонний взгляд на сущность поэзии советской эпохи (утверждение о разрыве в движении русской поэтической мысли более чем сомнительно и не выдерживает никакой критики) спровоцирован, возможно, понятным максимализмом молодости, пока не приобретенным умением уходить от апологетики своего героя, что особо ощутимо в финальном и откровенно некорректном по отношению ко всем поэтам второй половины XX в. (как «официальным», так и «неофициальным») выводе книги: «Младший современник А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой, культивируя в творчестве опыт классической и неклассической лирики, продолжил прерванную традицию Серебряного века и одним из первых среди русских поэтов выразил трагическое мироощущение человека XX века и осознание необходимости возвращения к целостности мира путем восстановления глубинной связи его с бытием и с другими людьми» (с. 349). Излишняя прямолинейность в оценке роли своего героя мудро оттенена публикацией в разделе «Вместо заключения» глубокой, не ведущей никакой категоричности, полной размышляющего милосердия «Элегией смоковницы» Ольги Седаковой, «соседки по времени» и по «поэтическому цеху» Ивана Жданова, которому и посвящено это стихотворение:

Кто просит — однажды получит.
Кто просит прощенья —
однажды будет прощен. Кто от стыда
не поднимет лица — тот любимее всех. Сердце ему обнимает
лишенье, как после долгой разлуки жениха
обнимают или отца (с. 352).

Рецензия поступила в редакцию 20.02.2019